

Анна Шнайдер

НЕДОСТОЙНАЯ
ТЬМА ИМПЕРАТОРА
ТЬМА ИМПЕРАТОРА. ЖИЗНЬ НА ДВОИХ
СЛЕД ПАУКА. ПЕС ИМПЕРАТОРА

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Лес встретил Тайру утренней прохладой, запахом мокрой листвы и громким птичьим пением. ПERNATые заливались на все лады, приветствуя весну и новый день, и Тайра несколько минут стояла посреди тропинки, опираясь ладонью на толстый дубовый ствол и слушая птичьи трели. Она давно научилась различать птиц по голосам и сейчас, замерев, понимала: вон там, справа, перекликаются в роще пестрые зарянки, прямо перед ней ухают северные белые совы, чуть левее заливисто поют соловьи-конопушки, а рядом с ними стучит и щелкает клювом хохлатый дятел. Ищет жучков на завтрак.

Улыбнувшись, Тайра поправила заплечный мешок и медленно зашагала дальше, проверяя путь перед собой старой тростью, которую когда-то сделал ее отец из ветки крепкой лиственницы. Девушка хорошо знала дорогу, но без трости никогда не ходила. Природа изменчива, как и сама жизнь, и там, где еще вчера была широкая тропинка, сегодня может упасть дерево.

Тайре нужно было скорее добраться до большой рощи розового жасмина и собрать бутоны в банку, которую она захватила с собой. Цветы должны быть именно нераспустившимися! Это важно. Внутри бутонов розового жасмина — капля цветочного нектара, сладкого, словно лучший мед, и очень ценного. Что только не делают они с отцом из этого нектара — и средство от простуды, и обезболивающую мазь, и микстуру от кашля, и полезный эликсир для беременных. Но уже сегодня к обеду большинство бутонов раскроется и капля нектара упадет вниз и впитается в землю. Они собирались идти в рощу вместе с отцом, но он в последний момент сказал, что есть другие дела и Тайре придется справляться самой. Голос его при этом был тревожным, но на вопрос, что случилось, он ответил: «Ничего страшного».

Характер у Моргана Рида, отца Тайры, был на редкость спокойным, и девушка знала — если отец начал волноваться, жди беды. В прошлый раз после подобных волнений им срочно понадобилось зачем-то переезжать из южного городка, где они жили много лет, в Тиль — поселок на севере Альганны. Тайра тогда так и не поняла зачем. Но отец ничего не объяснял, а она не стала спрашивать его лишний раз, зная, что он всегда и все делает правильно и для ее же блага. Правда, пришлось бросить институт, но Тайра потом сдала необходимую программу и получила-таки диплом мага — специалиста по травам и зельям.

— Осторожнее, не споткнись, — пробормотала она самой себе, ощупывая тростью землю.

Она хорошо помнила, что в этом месте из почвы торчит искривленный корень дерева, и, постучав по нему и удостоверившись, что он по-прежнему тут, осторожно перешагнула и пошла дальше. Невдалеке в кустах что-то зашуршало, и Тайра остановилась, прислушиваясь. Опасных зверей в их лесу не водилось — отец позаботился, отпугиватели поставил, — но и лиса может быть опасной, если бешеная. Хотя отгонять ненужных гостей Тайра умела.

Следом за шуршанием раздалось фыркание и кряхтение, и девушка вздохнула с облегчением. Всего лишь еж.

Еще минут через пять, перейдя небольшой ручей, журчавший так призывно, что она не выдержала — села и напилась ледяной и сладкой воды, — Тайра шагнула в рощу розового жасмина, перевязала рот и нос платком, достала большую банку и принялась споро обрывать ценные бутоны. Несмотря на то что ни один цветок еще не раскрылся, запах вокруг стоял сильный, пряный и душный, и Тайра торопилась — если нанюхаться хорошенько, можно уснуть и не проснуться. Всегда так бывает — самое полезное может и убить, если правил не соблюдать.

Через полчаса банка заполнилась и Тайра поспешила в обратный путь. Сердце было не на месте из-за недавней тревоги отца, а еще в воздухе начинало пахнуть грозой, и оставаться в лесу в это время не стоило.

Хотя... Тайра подняла голову. Жарко, солнце обжигает, и в глазах белые пятна, значит, небо чистое и дождь начнется не скоро. А когда начнется, Тайра уже будет дома.

Подходя к крыльцу, она ощутила: здесь находится кто-то чужой, незнакомый, и этот чужой, скорее всего, ранен. Она чувствовала запах грязного тела и крови, а еще почему-то пепла.

Когда Тайра стремительно взбежала по крыльцу — споткнуться она не боялась, за прошедшие годы в доме изучив все, что только можно было изучить, — лежавший возле входной двери старый лохматый пес Джек громко тьякнул, как это обычно всегда бывало, когда она или отец приходили домой, и Тайра немного успокоилась. Если бы что-то случилось, Джек вел бы себя иначе.

В прихожей запах крови и пота стал сильнее. Девушка повернула голову направо и принялась — нет, запах доносился не с кухни. Налево — да, он вел к гостиной.

— Папа? — громко спросила Тайра, постучав в дверь, и прислушалась. Внутри было тихо. Секунда, вторая — и она различила в гостиной шаги отца.

— Тайра, — сказал Морган Рид, распахнув дверь. — Не волнуйся, все в порядке. Просто у нас... гость, и он ранен.

— Ранен? — повторила девушка обеспокоенно. — Это кто-то из жителей поселка?

— Нет. Ты не знакома с этим человеком, но там ничего серьезного. Ожоги и сильное обезвоживание.

— Мне посмотреть? — уточнила Тайра, и Морган молчал несколько секунд, будто раздумывая.

— Пожалуй, лишним не будет.

Под ногами отца скрипнул пол, кольхнулся воздух — он отошел в сторону, пропуская ее в гостиную. Тайра шагнула вперед и поводила головой, приняв себя. Теперь вокруг пахло не только потом, кровью и пеплом, но и обгоревшей человеческой кожей, и мазью от ожогов, и общеукрепляющей микстурой, и совсем немного — сонным порошком.

— Он на диване, — сказал отец, но Тайра и сама догадалась — не на пол же он положил раненого чужака?

Она приблизилась к дивану и уже собиралась наклониться, когда Морган взял ее за руку и аккуратно усадил на табурет.

— Спасибо, папа, — поблагодарила Тайра и вздохнула, сосредотачиваясь на человеке, который лежал на диване перед ней.

«Ты потеряла обычное зрение, но магическое осталось», — так когда-то давно объяснял отец, пытаясь обучить ее видеть, не видя.

И Тайра училась, сочетая магические способности со способностями к шаманству, и достигла успехов. Вот и сейчас она «видела», что их незванный гость — мужчина. Впрочем, она могла бы утверждать это и просто по запаху — женщины, даже не-

мытые, пахли иначе. Энергетический контур раненого пульсировал, причем особенно сильно — в области правого плеча и возле желудка. Тайра напряглась, пытаясь проникнуть глубже, и вскоре смогла ощутить жар от плеча и холод от желудка. Значит, ожог на плече, а еще их гость давно не ел и не пил.

Она подняла руку и дотронулась кончиками пальцев до груди мужчины. Рубашки на нем не было, и кожа оказалась горячей и липкой от мази и мокнущих ожогов, но Тайру сейчас интересовали не они.

Яркая вспышка перед глазами, учащенное биение сердца, вздох...

— Что ты увидела, дочка? — поинтересовался Морган, погладив ее по спине.

— Его страх, — ответила Тайра медленно, смаргивая выступившие на глазах слезы.

У нее никогда не получалось контролировать видения или видеть по заказу, поэтому дар чаще всего оказывался бесполезен. Но посмотреть все же стоило.

— Этот человек сильно боится одного мужчину. Он весь будто бы в огне горел, и... я видела его лицо. У него абсолютно черные глаза, как две ямы. Но так, наверное, не бывает... Может, это какой-то символ страха?

— Может, — ответил Морган уклончиво. Кажется, он совершенно не удивлен предсказанием Тайры. — Все может быть.

Он проснулся резко и сразу, как всегда и бывало. С внутренним будильником не поспоришь — Гектору Дайду хватало пяти часов, чтобы полностью выспаться, и по истечении этого времени организм отказывался бездельничать дальше.

В комнате было до безобразия душно, и уже по этому признаку главный дознаватель сразу определил, что не у себя в квартире, да и не в комитете — он терпеть не мог затхлость закрытых помещений и распахивал окна чуть ли не настезь даже в морозы.

Гектор принялся — в комнате остро и сладко пахло вином, его сигарами и женскими духами. Духами. Все, теперь он вспомнил.

Пару дней назад Гектор узнал неприятную новость, связанную с бедами, которые в последнее время сыпались на голову императора, и накануне получил от его величества отгул на воскресенье.

— Я целый день буду на море, — сказал Арен поздно вечером, и лицо его при этом было настолько землисто-серым, что Гектор с трудом удержался от замечания: «И правильно сделаете». — Ты можешь отдохнуть.

Отдохнуть... Главному дознавателю скорее следовало отвлечь самого себя от услышанного в пятницу утром. Тьфу, гадость!

Заваливаться к сестре в подобном настроении он не желал — Урсула готовилась к собственной свадьбе и пребывала в приподнятом состоянии, ни к чему ее смущать унылой физиономией, к родителям — еще хуже, волновать только стариков. Тревожить немногочисленных друзей Гектору тоже не хотелось, поэтому он выбрал тот вариант, который обычно выбирал в таких случаях, и отправился в переулок Магнолий.

Разумеется, официально бордели в Альганне были запрещены, но Дайд прекрасно знал, что официальность с реальностью имеет мало общего. И его величество, слава Защитнику, разделял мнение Гектора. Главный дознаватель считал, что лучше закрывать на «гнезда разврата» глаза и помогать с зарвавшимися клиентами, чем запрещать и преследовать. Толку от этого все равно никакого не предвидится — шлюхи всегда были и будут, как блохи у дворовых собак.

Дайд у хозяйки борделя находился на особом счету, но это и неудивительно — среди ее девочек было полно агентов комитета, получавших дополнительную зарплату за ценные сведения, добытые в процессе удовлетворения клиентов. Кроме того, эти самые клиенты частенько что-нибудь здесь били — или даже кого-нибудь, пытаясь выместить злость на окружающий мир, заменяя его симпатичной шлюхой. Думали, им за это ничего не будет, бордели-то запрещены законом. Идиоты.

В общем, Белла Лит Гектора обожала и всегда принимала у себя с распростертыми объятиями. И не доверяла никому из девочек. Он и не возражал — женщиной Белла была красивой — высокая и темноволосая, с длинными ногами и шикарной грудью, — а уж в постели и вовсе превращалась в богиню страсти. Так что к ней Дайд вчера и пошел, надеясь отвлечься и немного отдохнуть перед новым витком проблем, которые у него никогда не кончались.

Гектор поднялся с постели, открыл окно и подошел к столику, на котором стояли бутылка вина, два бокала и лежал его белый портсигар. Налил себе немного, выпил, открыл портсигар и усмехнулся — половины сигар не было. Ничего удивительно-

го, что он смутно помнит события вечера и ночи — от такой дозы курительных трав и слон память потеряет.

Дайд все же достал еще одну и закурил, с наслаждением поводя плечами. Во всем теле была приятная расслабленность — ну, почти во всем.

— Уже уходишь? — прошелестела Белла, садясь на кровати.

Сокращенное имя она предпочитала полному и не любила, когда ее называли Изабеллой. Наверное, доставляло удовольствие чувствовать себя аристократкой. Глупость.

Белла была совершенно голой, и Гектор несколько секунд с удовольствием рассматривал ее восхитительное тело, делая очередную затяжку.

— Я задержусь у тебя на пару часов, — ответил он, затушил сигару и, бросив ее в пепельницу, шагнул к постели. Хмыкнул, когда Белла откинулась назад и призывно развела ноги. — Сегодня у меня есть время.

Дайд покинул переулок Магнолий около восьми утра — непозволительно поздно в обычный день и поразительно рано для выходного. Формально у Гектора сегодня и был выходной, но дознаватель давно не обращал на это внимания. Последние три года он работал постоянно, отдыхая урывками, как и император. От подчиненных Гектор подобной переработки не требовал, но бездельников и тунейдцев все же не любил — видимо, поэтому их давно не водилось в его комитете. Если только среди дознавателей на местах. Альганна-то большая, всю не обхватишь, за всеми не уследишь. И Гектор представлял, что могут творить его коллеги в поселках и маленьких городках. В конце концов, именно с поимки такого зарвавшегося дознавателя-убийцы и началась когда-то его карьера.

Дайд выстроил пространственный лифт в зал для переноса дознавательского комитета напрямик из борделя Беллы и, когда стены истаяли, огляделся. Народу здесь сейчас было гораздо меньше, чем в будний день, и коллеги приветствовали Гектора кивками и понимающими ухмылками. Конечно, все были в курсе, что у него сегодня, можно сказать, «двойной выходной» — и по рабочему графику, и по дозволению императора, — но и в курсе характера собственного начальника дознаватели тоже были и знали, что Дайд отдыхать не любит. Гектора подобные слухи умиляли — в самом деле, разве может человек в здравом уме не любить отдыхать?! Он не любил бесполезный отдых вроде валяния на пляже, а на полезный пока не было времени.

Вот закроем дело о заговоре против его величества, тогда и отдохнет.

С помощью обычного лифта Гектор поднялся на третий этаж, где находился его кабинет, и быстро зашагал по коридору, каждую секунду здороваясь с коллегами. Здесь все было совсем не так, как во дворце — просто и лаконично, не роскошно, — но Дайду нравилось. Хотя его предшественник развесил на стенах какие-то примитивные картинки с фруктами и овощами, от которых Гектору постоянно хотелось есть. Он приказал убрать их, сменив полезными картами, ориентировками преступников и досками почета отличившихся сотрудников.

Наземных этажей в комитете было три — так же, как и отделов. Первый отдел, располагавшийся на третьем этаже, занимался политическими преступлениями, и его главой считался сам Гектор. Второй в кругах дознавателей носил неофициальное название «мокрушного» — туда передавались убийства. И наконец, третьему отделу доставались преступления «по-проще» — кражи, незаконная торговля, поддельные документы и так далее. Главой второго и третьего отделов был Роджер Финли — заместитель Дайда и его правая рука. А иногда — и обе руки.

Роджер был так же не похож на Гектора, как маленький кустик не похож на высокую сосну. В отличие от Дайда, чей рост и худоба впечатляли даже не очень впечатлительных, его зам был приземистым и пухлым молодым человеком с темными волосами, веселыми карими глазами и ресницами настолько пушистыми, что им позавидовали бы и жирафы Корго. Финли казался окружающим легкомысленным парнем и страшным бабником, и если второе утверждение было верным, то первое — наоборот. Впрочем, ни Гектор, ни его зам не возражали против того, чтобы все прочие думали, будто Роджер умом не блещет и Дайд сделал его правой рукой только затем, дабы выгоднее смотреться на фоне недалекого Финли. Недооценивать противника неправильно и полезно для самого противника, особенно если учесть тот факт, что Гектора порой переоценивали. По крайней мере, именно так думал он сам. Хотя эту точку зрения не разделяли ни Роджер, ни их общий секретарь Кэтрин Эйс, неожиданно оказавшаяся за своим столом в приемной, несмотря на раннее воскресное утро.

Гектор, вошедший в кабинет, тяжело вздохнул, смерив тонкую маленькую фигурку девушки недовольным взглядом.

— Ну и что на этот раз случилось у этого коз...

Роджер Финли

— Гектор! — фыркнула Кэт.

Она всегда казалась Дайду похожей на мышку — крошечная девочка с волосами невнятного серого цвета, серыми же глазами и чуть вздернутым носиком. Да, именно таких обычно и называют серыми мышками.

— Марко сильно простудился. Вчера вечером был сильный дождь, помните? Марко под него попал, промок и...

— Ясно, можешь не продолжать.

Дайд закатил глаза. С тех пор как Грета — секретарь выходного дня — ушла в декрет, они с Роджером и Кэт три месяца никак не могли найти ей нормальную замену. Молодой парень по имени Марко, их последнее приобретение, постоянно выдумывал причины для того, чтобы не ходить на работу, и просил Кэт подменить его. Гектор хорошо понимал, в чем дело: мальчишке не нравилось здесь, в комитете, но отказываться от прекрасной зарплаты тоже не хотелось, поэтому пока он филонил как мог. Благо ставка у секретарей фиксированная, так что лишить Марко можно было только премии... ну или самой должности. Однако сейчас это было неразумно — сначала надо подыскать другого человека. Кэт не сможет работать семь дней в неделю.

— Он не такой плохой, — пробормотала девушка неловко, чуть опустив голову и не глядя на Гектора. — Его просто угнетают все эти... мм...

— Покойники, — подсказал Дайд, и она кивнула.

— Да. Конечно, вы с Роджером занимаетесь не только этим, но...

— Трупов хватает, — признал Гектор и хмыкнул. — Вечно ты всех жалеешь, Кэти. Тебя бы кто пожалел.

Она исподлобья взглянула на него и чуть улыбнулась.

— Меня вы жалеете.

— Если бы ты плохо работала, я бы тебя не пожалел. — Дайд развернулся и зашагал к своему кабинету. — Принеси мне все накопившиеся отчеты и... да, пожалуй, чаю.

Он уже был у двери, когда Кэт поинтересовалась тихим и дрожащим голосом:

— А... Роджер сегодня тоже придет? Вы не знаете?

Гектор едва заметно поморщился. Иногда ему хотелось треснуть зама по лбу — или куда-нибудь пониже — за то, что тот не замечает в Кэтрин Эйс женщину. Да, она невзрачная, но как будто Финли писанный красавец! Последние три года Кэт втихомолку сохла по Роджеру, но на ее работе это никак не отражалось, сам же Финли не реагировал, считая девушку неподходя-

щей партией для себя, и Гектор постепенно смирился с ситуацией. Рано или поздно либо Кэт сменит объект воздыханий, либо Роджер наконец поймет, как ему повезло в жизни, и перестанет вести себя словно полный идиот.

— Придет, разумеется. У него сегодня, в отличие от меня, официальный рабочий день, — ответил Гектор невозмутимо, открыл дверь и скрылся в кабинете.

В широкое окно заглядывали мягкие утренние лучи солнца, освещающая шкафы с книгами и папками, пару стульев, стол, на котором аккуратными стопками лежали многочисленные документы, и длинный кожаный диван в дальнем конце помещения. Гектор иногда спал здесь, когда не было сил переноситься домой.

Дознаватель опустил деревянную шторку, чтобы солнце не поджарило ему макушку, и сел за стол. У Дайда была странная и почти необъяснимая для многих других людей привычка — он терпеть не мог сидеть за рабочим столом в кресле, предпочитая обычные деревянные стулья с мягкими спинками. Финли, чей кабинет был напротив кабинета Гектора, наоборот, обожал глубокие кресла. Даже стащил у начальника одно такое примерно через месяц после назначения на должность заместителя главного дознавателя, аргументируя это наглым: «Так тебе же все равно не нужно!»

Роджер получил должность четыре месяца назад, сразу после Дня Альганны. До этого он числился главой второго отдела, но потом Гектору пришлось арестовать и собственного зама, теперь уже бывшего, и начальника третьего отдела. Роджера Дайд присмотрел давно, три года назад, когда тот только начал работать обычным дознавателем у «мокрушников». В первый же месяц работы Финли умудрился попасть в рекордсмены по раскрываемости и угодить в список на премирование. Там Гектор его и заметил. Навел справки, потом вызвал к себе, поговорил — и увидел горящие энтузиазмом глаза. Да и в сообразительности Роджеру не откажешь, поэтому еще через пару месяцев Дайд назначил парня главой второго отдела.

Примерно в то же время Гектор выяснил, что его заместитель Барри Артилиус пополнил ряды заговорщиков, но арестовывать предателя сразу не стал. Это весьма удобно: иметь на борту корабля крысу и быть в курсе ее пробежек на соседний корабль. Дайд снабжал зама лишь той информацией, которой хотел поделиться с заговорщиками, и неплохо в этом преуспел:

до самого ареста Артилиус и не подозревал, что его раскрыли. Впрочем, как и глава третьего отдела. Слава Защитнику, предателей в дознавательском комитете оказалось мало, хотя это все же было связано не с сознательностью коллег Гектора, а с почти полным отсутствием аристократии среди них. Титулованные маги рыться в чужих преступлениях не хотели, предпочитая более «благородные» специальности — артефакторику, медицину, природоведение... Даже среди охранителей аристократов было больше, чем под крылом у Дайда.

С тихим скрипом открылась дверь, и в кабинет проскользнула Кэт. В руках она держала поднос с чашкой чая, а из-под мышки у нее торчала папка с суточными отчетами.

Гектор, затянувшись сигарой, выдохнул в сторону серо-белый дым и произнес:

— Спасибо, Кэти.

Секретарь поморщилась, поставила перед ним поднос и вздохнула.

— Когда же вы бросите курить...

— Когда-нибудь, — ответил Дайд весело, глядя на то, что обнаружилось на подносе кроме чая — два бутерброда с колбасой и сыром. — А это кому?

— Вы видите тут кого-то кроме себя? — пробурчала Кэт, выпрямляясь и делая шаг назад. — Я подумала, что вы наверняка не завтракали. Вот Роджер всегда ест перед работой, а вы...

Гектор усмехнулся. Подобный диалог они с Кэт вели пару раз в неделю, и дознаватель каждый раз умилялся. Он был старше девушки почти в два раза, но тем не менее она опекала его, как мама нерадивого сыночка. Правда, ненавязчиво и очень, ну просто очень мило.

— Не зря же говорят, что я похож на змею. А некоторые змеи, как ты знаешь, едят раз в месяц. А потом лежат, переваривают.

— Лежат! — фыркнула Кэт. — Вы почти не спите, а уж просто лежать точно никогда не будете! И ни на какую змею вы не похожи, не слушайте этих глупостей.

Гектор улыбнулся, вдруг вспомнив, что не далее как пару часов назад он действительно просто лежал, пока Белла... Хотя малышке Кэти этого лучше не знать.

— Скажи мне... — Дайд сделал глоток и на секунду зажмурился от удовольствия. Его секретарь заваривала чай не хуже, чем повара императора. — Сегодня вечером в Императорском театре играют спектакль?

— Конечно, — ответила Кэт, не задумавшись. — Сегодня же воскресенье. Представления идут ежедневно, кроме вторника. По вторникам в театре выходной.

— Прекрасно. Пойдешь со мной?

Она вздрогнула, явно оторопев, но почти тут же расплылась в понимающей улыбке.

— Да. Разумеется!

— Если у тебя нет подходящего платья, возьми на складе.

Кэт грозно свела брови, и Гектор засмеялся.

— Все у меня есть!

— Хорошо-хорошо, не сердись, Кэти. И накраситься не забудь.

— Не волнуйтесь! — Она кивнула и вздернула нос. — Все будет в лучшем виде!

Гектор хотел добавить, что это, ко всему прочему, отличный способ заставить Роджера ревновать, но в итоге промолчал. Не был он уверен в том, что Финли будет ревновать, а обнадеживать Кэт не стоило.

Бутерброды оказались не менее вкусными, чем чай, и Дайд даже отложил сигару, наслаждаясь едой и напитком. Надо будет постараться еще и пообедать сегодня, все же на доклад к императору не идти.

Изучая суточные отчеты, рассортированные Кэт по отделам и по местности — столичные отдельно от провинциальных, — Гектор подспудно размышлял о том, что беспокоило его в последнее время больше всего.

Семь лет назад, соглашаясь на предложение императора стать главным дознавателем Альганны, Дайд понимал, что попадет в горячую точку похлеще Геенны. Арен с самого начала проявлял себя как крайне неудобный для аристократии правитель, и критика его нововведений в обществе набирала обороты, как и недовольство титулованных. Ведь с чего он начал свое правление? С закона об уравнивании заработной платы! После этого аристократии и нетитулованным обязаны были платить одинаковую зарплату на одной и той же должности. Просто безобразия!

Гектор хмыкнул, вспомнив, как раздувались от негодования лица его титулованных коллег в Риаме — городе, где он раньше работал. Тогда он и решил, что должен увидеть этого «императора-мальчишку», как презрительно называли Арена, и поехал к нему, чтобы доложить об одном расследовании лично.

Арен действительно оказался мальчишкой. Мальчишкой со смертельно уставшим, но очень упрямым лицом, волевым подбородком и черными глазами с неестественно широкой радужкой. И этот мальчишка собирался отменить титулы.

«Его же убьют», — подумал Гектор и выпалил это вслух, сам от себя не ожидая. Ему почему-то не хотелось, чтобы Арена убили. И в первую очередь именно поэтому он согласился на предложение стать главным дознавателем. Не потому, что интересно или зарплата хорошая, хотя и это тоже важно. Гектору не хотелось, чтобы императора убили, и чем больше проходило времени, тем ему сильнее не хотелось. Заговорщики даже не пытались переманить Дайда на свою сторону, и почти сразу после того, как он вступил в должность, Гектора за глаза стали называть псом императора. Он только усмехался, ни капли не обижаясь. На правду не обижаются. И Дайд не только верно служил своему императору, но и оберегал его, словно сторожевой пес.

Арен захотел отменить титулы. Титулы, существовавшие множество веков и бывшие давно лишь фикцией — ну, если не считать родовую магию, конечно. В остальном между аристократией и нетитулованными магами не было никакой разницы. Да, изначально титулы создавались как привилегия только для магов, но шло время, аристократы плодили бастардов, и маги стали рождаться в обычных семьях. У них не было аристократических фамилий, начинающихся на «А», «Б» и «В» и заканчивающихся на «ус», как не было и родовой магии — уникального свойства крови, — но в остальном это были такие же маги. А порой даже более сильные и талантливые. Однако привилегий, в отличие от аристократии, у них не имелось, и за последние лет пятьдесят из-за подобной социальной несправедливости напряжение в обществе достигло апогея. Еще чуть-чуть — и взорвалось бы. Да оно и взорвалось, в итоге вылившись в покушение на императора во время празднования Дня Альганны, и за этим наверняка последовала бы гражданская война.

Заговор против Арена возглавлял его старший брат Аарон, что выяснилось лишь в процессе покушения, но до суда и следствия он не дожил — император собственноручно испепелил предателя. Последователей Аарона арестовали, и, казалось бы, можно было вздохнуть свободно, но... увы.

Гектор еще тогда подумал, что его высочество Аарон, будучи человеком, крайне ненавидящим проигрывать, мог заранее организовать вторую волну заговора. И не ошибся. Началось все

чуть больше месяца назад со слухов, взбудораживших аристократию. Подобные слухи ходили постоянно, но на этот раз они, как показалось Дайду, были более оформленными, умышленными. Разговоры о том, что представители правящей династии Альго не являются потомками богов, Гектор слышал частенько, особенно среди ученых-артефакторов. Но месяц назад эту тему обсуждали все кому не лень, и было даже не понять, кто начал. Тревожный, но вполне объяснимый знак, ведь теперь, после потери лидера из числа Альго, заговорщикам было необходимо постепенно подготовить почву для возможной смены династии. А значит, вторая волна, скорее всего, существует.

Это подтвердилось чуть позже: Агату, маленькую дочь императора, дважды попытались убить. Первая попытка провалилась, да и вторая — тоже, но при этом покушение унесло жизни двух сотен человек...

Дверь вновь скрипнула, но теперь в кабинет Дайда вошла не Кэт.

— Доброе утро, Гектор, — жизнерадостно произнес Роджер Финли, проходя внутрь с проворством, удивительным для его роста и полноты.

Он плюхнулся на один из стульев, стоявших возле стола, и громко отхлебнул дымящийся кофе из большой кружки. Гектор кофе практически не пил, а вот Роджер хлестал постоянно, уверяя, что ему так лучше думается и меньше хочется спать. Почти как Дайду от сигар.

— Доброе. Есть новости? — поинтересовался Гектор, переворачивая очередной отчет.

На каждом документе он писал краткие указания, которые затем передавались их авторам, коллегам-дознавателям.

Финли сделал еще глоток кофе и слегка прищурился.

— Если начинать с дела Виго Вамиуса, которое интересуется тебя больше всего, то нет.

Роджер все понял правильно — дело Вамиуса, бывшего начальника охраны дворца, интересовало Гектора сейчас больше всего остального.

Именно Виго, как считал Дайд, вербовал ее высочество Ванессу, помогавшую заговорщикам в осуществлении покушения на Агату и являвшуюся их основным информатором после смерти Аарона, ее супруга. Виго передавал сведения, полученные от Ванессы, человеку, который стоял во главе заговора в настоящий момент. Вамиус был связующим звеном, он должен был оставаться во дворце, но он сбежал, а чуть позже тело быв-

шего начальника охраны выловили в столичной реке. Виго не утонул, его отравили, и Гектор полагал, что это была большая ошибка со стороны заговорщиков. По нескольким причинам: во-первых, Вамиус действительно был бы полезен во дворце, а во-вторых, если уж убивать, то так, чтобы следов не осталось. Тело не должны были найти, но его нашли. Глупо. И эта глупость должна помочь дознавателям выйти на остальных членов заговора.

— Сегодня вечером мы с Кэт пойдем на спектакль в Императорский театр, — сказал Гектор, поднимая голову и внимательно глядя на Финли. У парня дернулась щека, и Дайд с трудом удержался от смешка. — Я пока не был там лично, вот и посмотрю.

Причина, по которой дознаватели продолжительное время следили за театром, была проста — Вамиус числился там техником на полставки по поддельным документам, выданным на имя некоего Рилия Фабио. Кроме того, после побега из дворца Виго, чтобы спрятаться, отправился в особняк в другом городе, принадлежавший Императорскому театру. Слишком много совпадений.

— Посмотри. Под иллюзорным амулетом пойдешь или в своем облике?

Гектор задумчиво почесал подбородок.

— На первый раз думаю использовать амулет, так будет спокойнее. А потом уже без него.

Несколько секунд Финли молчал.

— А зачем тебе Кэт? — спросил он наконец нарочито небрежно. — Взял бы кого-нибудь из дознавателей. Она ведь всего лишь секретарь.

— Мне не нужен второй дознаватель, — ответил Гектор, скопировав тот же небрежный тон. — Мне нужна спутница на вечер.

Роджер нервно сжал чашку, и Дайду стало совсем весело.

— Может, мне пойти с вами? Две головы хорошо, а три...

— Третий лишний, — с намеком протянул главный дознаватель, вновь погружаясь в отчеты. — Все, свободен. Мне надо работать.

А сопит-то как, ну ты подумай. Ни дать ни взять тигр с насморком.

— Ладно. Удачного дня, Гектор.

— И тебе.

Тайра сидела на крыльце дома и, задумчиво поглаживая пушистую шерсть Джека, наслаждалась вечерней прохладой и жужжанием насекомых, когда с ней рядом на крыльцо опустился отец.

— Скоро действие сонного порошка закончится и наш гость проснется. Отнесешь ему еду?

Девушка кивнула, уронила голову Моргану на плечо и заинтересовалась:

— А как он выглядит?

— Кто?

— Гость. Я только поняла, что мужчина и вроде бы молодой, если судить по жизненной энергетике.

— Да, молодой. — Отец замешкался. — Хм... Ну, волосы темные, кожа смуглая... хм...

Тайра не выдержала и захихикала, сразу почувствовав, как Морган тоже затрясся от смеха.

— Я никогда не умел так описывать окружающее, как ты, Тай. — Он с нежностью погладил ее по руке. — Не знаю, что сказать. Симпатичный парень, лет двадцать пять ему.

— Ладно, — она все еще смеялась, — симпатичности я не увижу, поэтому главное, чтобы вел себя прилично. А это от внешности не зависит. — Тайра поднялась, и Морган встал следом, поддерживая ее под локоть. — Пойду накормлю его. И мазь, наверное, надо обновить?

— Да, Тай.

На кухонном столе она нашла тарелку с теплой кашей и стакан с морсом из лесных ягод, сваренным ею пару дней назад. Поставив все на поднос, Тайра медленно пошла в гостиную, про себя считая шаги, чтобы не споткнуться ненароком. От кухни до гостиной их было ровно пятнадцать.

Она вошла в комнату и сразу почувствовала на себе чужой взгляд. Тайра всегда ощущала, когда на нее смотрели. Значит, проснулся.

— Кто ты и где я? — просипел незнакомец, и девушка пошла на голос.

Остановилась возле дивана, ногой нащупав стол, и осторожно поставила туда поднос. Затем выпрямилась и ответила:

— Вы находитесь в Тиле, это поселок на севере Альганны. Меня зовут Тайра. Как себя чувствуете?

— Как раздавленная гусеница, — ответил мужчина. Говорил он явно с трудом. — Это... мне еда?

— Да. Я помогу вам сесть, а потом поставлю поднос вам на колени. — Девушка наклонилась и протянула руки туда, где должны были быть подмышки гостя. — Хватайтесь.

Он не спешил, похоже, разглядывал ее лицо.

— Ты что, слепая?

— Верно.

Незнакомец ухватил ее за локти и сел, чуть слышно застояв. Дыхание его было горячим, и Тайра, отпустив руки мужчины, прижала ладонь к его лбу. Температура была, и немаленькая.

— После еды я дам вам общеукрепляющее и жаропонижающее, — сказала Тайра и наклонилась за подносом. — Возьмите.

— Каша? — В голосе незнакомца, к ее удивлению, послышалось недовольство. — Гадость какая.

«Значит, не так уж плохо он себя чувствует, раз капризничает», — подумала Тайра, а вслух сказала:

— А я люблю каши. И вкусно, и полезно. Ешьте. — Она помедлила и добавила: — Если все съедите, я потом принесу кусочек сыра.

Фыркнул. Но не добро, скорее презрительно. Видимо, не считал сыр достаточной причиной для того, чтобы съесть кашу. А зря — они с отцом этот сыр сами делали, из молока овец тетушки Молли. А у нее лучшие овцы и лучшее молоко в Тиле. И сыр у них с Морганом получался прекрасный, нежный и чуть пряный от смеси трав. Тайра сама придумала, какие травы лучше добавлять, и так вкусно выходило, что они с отцом этим сыром даже торговали.

— Как вас зовут? — поинтересовалась девушка.

Несмотря на капризы, гость стучал ложкой весьма бодро. Проголодался.

— Риан, — ответил он после пары секунд молчания. — Расскажешь, как я здесь оказался?

— Это лучше спросите у моего отца. Он вас принес, но откуда и что случилось, я не знаю. Папа зайдет к вам позже. Съели?

Вновь несколько мгновений молчания.

— Да. Откуда ты знаешь? Ты же не видишь.

— Вы положили ложку в пустую тарелку, — пояснила Тайра. — Она стукнула. Я не вижу, но слышу хорошо. Давайте поднос, сейчас сыра вам принесу. И лекарства.

Она взяла протянутый поднос и уже хотела идти к двери, когда услышала:

— А ты... от рождения слепая?

— Нет. С десяти лет.

Тайра давно не чувствовала горечи, отвечая на этот вопрос. Хотя первое время очень скучала по краскам окружающего мира. Безумно хотелось видеть рассветы и закаты, наблюдать, как желтеют и краснеют листья осенью, изучать новые растения не только на ощупь. Но вокруг уже тринадцать лет была темнота, с которой Тайра давно смирилась.

Но сны она все равно видела цветные. Будто бы до сих пор была зрячей...

Большой кусок сыра Риан проглотил с аппетитом и даже сказал, что вкусно. Он словно был удивлен этим фактом, и Тайра подумала, что их гость, наверное, не очень любит сыр или никогда не ел хорошего.

Потом она дала ему лекарства и попросила лечь на диван, чтобы нанести мазь на ожог.

— Как ты собираешься это делать? — проворчал парень, но просьбу выполнил, опустившись обратно на подушку. — Ты же слепая.

Теперь, когда он поел и перестал сипеть, Тайра ясно слышала — Риан очень молод, скорее всего, ненамного старше ее.

— На ощупь, — ответила она, зачерпнув пальцами мазь из баночки, и села на диван.

Протянула руку, коснулась груди, и он вздрогнул.

— Холодная... Хорошо.

Тайра улыбнулась, но не ответила, сосредоточившись на деле. Чтобы было удобнее, вторую ладонь она положила на плечо неповрежденной руки — так было проще ориентироваться.

Направо, до подмышки, потом вверх, до шеи. Влево и опять вниз, а затем вправо...

Тайра сосредоточенно распределяла мазь по ожогу, когда вдруг услышала тихое и задумчивое:

— Если бы не глаза, ты была бы красивой.

Она на секунду замерла, растерявшись и не понимая, как реагировать, а Риан продолжал:

— Волосы у тебя шикарные. Густые, черные и блестящие. Никогда не видел таких блестящих волос. А губы...

Тайра мотнула головой, почувствовав прикосновение к нижней губе, и резко сказала:

— Не надо меня трогать!

Он фыркнул.

— Тоже мне, недотрога. Думаешь, не знаю, что девки в поселках рано с парнями обжиматься начинают? Или у тебя жених есть?

Тайра вскочила, так и не закончив покрывать мазью ожог, и сделала шаг в сторону, чуть не споткнувшись о стол. Сердце ее колотилось как шальное, к горлу подступала тошнота, и прежде, чем ответить, девушка сделала глубокий вдох, пытаясь успокоиться.

Она была очень чувствительна к прикосновениям и терпеть не могла, когда ее трогали чужие или незнакомые люди. Тайре требовалось время, чтобы привыкнуть к новому человеку, и время продолжительное, поэтому сейчас она испытывала глубочайшее отвращение.

— Это не ваше дело. И больше никогда не трогайте меня без разрешения, иначе пожалеете, — произнесла она тихо и весомо.

Риан вновь фыркнул, но ничего не ответил, и Тайра вышла из комнаты, думая о том, что стоит попросить отца освободить ее от ухаживаний за этим «гостем». Сам его домой притащил — сам пусть и возится.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Гектор все же урвал немного времени на обед и потом зашел к Роджеру, чтобы обсудить некоторые вопросы перед визитом в Императорский театр.

Финли, как раз отпустивший одного из сотрудников второго отдела, увидев начальника, страдальчески вздохнул.

— Только я хотел пообедать...

— Не переживай, я ненадолго, — хмыкнул Гектор, опускаясь на стул. Стул в этом кабинете был один, специально для него. Остальная мебель — диван и кресла для Роджера и посетителей. — Хочу поговорить о деле Виго Вамюса.

— Угу, — понимающе кивнул Финли, с тоской заглянув в опустевшую кружку, и коснулся браслета связи. — Кэт, сделаешь мне еще кофе?

Судя по удивленному выражению лица Финли, девушка точно ответила не «да, разумеется».

— Невероятно, — пробормотал Роджер, обескураженно взглянув на Гектора. — Представляешь, она сказала, что сделает мне кофе после обеда, а перед обедом его пить вредно.

— Безобразие, — усмехнулся Дайд, сложил руки на груди и откинулся на спинку стула, вытягивая ноги. Умница Кэти. — Секретарь, который заботится о здоровье собственного начальника. Возмутительно.

— Издеваешься...

— Знаешь, как говорит мой отец-аптекарь? «Пить кофе перед обедом — все равно что употреблять уксус на голодный желудок», — перебил Гектор зама и, пару секунд полюбовавшись на его недовольное лицо, сменил тему: — Итак, Виго. Одна из наших версий утверждает, что его могли убить в Императорском театре. Давай представим, что это так и было. Как именно и где это случилось?

Роджер тут же сосредоточился и посерьезнел. Он всегда умел переключаться от задачи к задаче, за что Дайд его особенно ценил.

— Знаешь, поначалу, когда ты предложил эту версию, я думал, ты шутишь. Но чем больше я рассуждаю на эту тему... Не могу не признать: что-то в этом есть. Раз ты хочешь обсудить, давай сначала остановимся на фактах. Факт первый. Вамиус был убит вечером того дня, когда в театре шел спектакль, и Виго под личиной Рияля Фабио видели несколько человек. Факт второй. В последний раз его заметили идущим по коридору в подсобные помещения мимо гримерных. Факт третий. Никто не видел, чтобы Вамиус переносился из театра или покидал его через парадный или черный ход. Факт четвертый. Его отравили вином, подмешав туда крысиный яд, причем в дозировке, способной убить пять человек. Вряд ли это было спланировано «на всякий случай», скорее всего, убийца просто не рассчитал дозу. Кроме вина в желудке был обнаружен еще виноград. И наконец, пятый: Вамиус был сброшен в реку мертвым и предварительно раздетым. Вещей не обнаружили.

Гектор кивнул и, вытащив из нагрудного кармана портсигар, все же закурил, чтобы лучше думалось.

— Давай начнем с конца, Роджер. Зачем его раздели?

— Побоялись, что на одежде останутся какие-либо следы, а с тела вода их смоеет. Это в чем-то справедливо, особенно если предположить, что речь идет об актерском гриме, который обычной водой не смывается.

— Другой вопрос — зачем надо было выбрасывать в реку? Почему не расчленил и не закопать? Или еще лучше — сжечь.

— Время, — пояснил Финли, и Гектор вновь кивнул, соглашаясь. — Да и умения тоже важны. Расчленил труп не так-то

просто, не курицу ощипать. Закопанное могут отрыть собаки. А сжигать тела до пепла способны только архимагистры. Значит, наш убийца — не архимагистр. И, возможно, он надеялся, что Виго так и не найдут, утонет — и все.

— Да даже если найдут, толку от этого немного, — пробормотал Дайд, затягиваясь. — А теперь самое интересное, Роджер. Вино и виноград.

— Н-да... — Глава «мокрушников» криво усмехнулся. — Сложно представить, что Вамиус мог пить вино и вкушать виноград в компании театральных работяг. Да и вино прекрасного качества, такое простым сотрудникам не по карману. Очень похоже на свидание с женщиной. И думаю, так оно и было. Остается только понять, отравила его эта женщина или ее просто использовали. Сообщник-то у нее наверняка был — женщина не смогла бы оттащить здоровяка Виго к реке даже с помощью магии. Это грозило бы ей магическим перенапряжением, а такое среди служащих театра в те дни не регистрировалось.

— Согласен. Я тоже думаю, что в убийстве участвовали как минимум двое. И где было возможно все это проверить, с учетом того, что в тот вечер в театре играли спектакль, народу было полно повсюду, никакого покоя и уединения для спокойного убийства?

Роджер фыркнул и протянул Гектору план-схему театра.

— Я здесь отметил сравнительно тихие места. Примерные актеров, кабинеты директоров и начальников различных служб — вариантов не так много, и все они связаны с не самыми последними людьми в театре.

— Это понятно, — произнес Дайд негромко, изучая схему. А потом поднял глаза на притихшего Финли и поинтересовался: — Как думаешь, по какой причине я все же склоняюсь к версии о том, что Виго убили в театре, несмотря на всю ее невероятность?

Зам нахмурился, качнул головой, и Гектор пояснил:

— Крысиный яд.

— А-а-а... Из-за того, что в театре его навалом и достать может практически кто угодно?

— Не только. Человек, отравленный крысиным ядом, умирает не быстро. Он задыхается, хрипит и сипит, катается по полу и затихает минут через десять. Не очень удобный яд, если хочешь сделать все бесшумно. Но в театре, где постоянно репетируют сцены чьей-то гибели, где каждый день кричат, ссорятся или стонут не по-настоящему, все это не привлечет внимания.

Конечно, есть еще вариант с заклинанием глухоты, но, чтобы растянуть его на целое помещение, а не на конкретно чье-то ухо, нужно быть прекрасным магом.

— Ну, это твоё объяснение тоже не абсолютно, — возразил Финли. — В нём есть смысл, но не обязательно всё было именно так.

— Ничего абсолютного и не бывает, Роджер, — улыбнулся Гектор, отдавая схему театра, которую он за это время успел запомнить. — Есть лишь менее и более вероятное.

Около шести часов вечера Дайд перенёсся в свою квартиру, чтобы переодеться — идти в форме дознавателя в театр он пока не желал.

Домом в столице, несмотря на статус и более чем приличную зарплату, Гектор так и не обзавёлся — не видел смысла. Квартира пустовала большую часть времени, и, если бы не служанка, через день приходившая делать уборку, здесь всё давно бы заросло пылью. Иногда Дайд не появлялся у себя целыми неделями.

— Вам бы жениться, — бурчала айла Ния Крус в те редкие минуты, когда они с Гектором случайно сталкивались в его квартире. — Жениться, деток наплодить...

Дознаватель молчал, только хмыкал. Пару раз в жизни он встречал женщин, на которых ему хотелось бы жениться, но желание это было связано не с чувствами, а с расчетливым пониманием, что из данной особы получится хорошая супруга. Но понимал Гектор и другое. Он и так постоянно беспокоился за родителей и сестру, опасаясь, что они могут пострадать из-за его должности, трястись ещё и за жену с детьми — это слишком. Со временем, возможно... Но точно не сейчас, когда они с императором не до конца разобрались с заговором.

Айлы Крус в квартире не было, и Гектор, быстро пройдя в спальню, переодёлся в чёрный костюм и белую рубашку. Следовало бы надеть жилетку, но Дайд решил, что обойдётся — слишком парадно, не прием во дворце всё же.

В начале седьмого Гектор перенёсся обратно в комитет и, поднявшись в собственную приемную, застыл на пороге, глядя на Кэт. Девушка действительно сделала всё «в лучшем виде», как и обещала, и теперь он с изумлением рассматривал её маленькую точеную фигурку в нежно-голубом платье. Ничего вычурного или неприличного, открыты только руки и плечи, и декольте неглубокое, но очень соблазнительное. И волосы Кэти

уложила хорошо, даже, кажется, слегка завила — на ее голове красовалось почти произведение искусства, аккуратно заколотое на затылке гребнем с жемчужинами. А еще девушка ненавязчиво нарисовалась и перестала походить на серую мышку. Хотя Кэт по-прежнему была неяркой, но очень изящной, милой и женственной.

Она подняла голову, улыбнулась Гектору — и в этот момент из своего кабинета вышел Роджер. Он сразу замер, уставившись на секретаря, как на чудо небесное, и Кэт, покосившись на него, покраснела и нервно сглотнула, сжав руками тонкую ткань юбки.

— Ты восхитительна, — сказал Дайд довольно, подходя ближе, взял девушку за руку, с трудом отцепив ее пальцы от платья, и поцеловал ладонь. — Однако меня тревожат открытые плечи. Ты не замерзнешь, Кэти?

— А в Императорском театре холодно? — пробормотала она тревожно, перестав наконец смотреть на Роджера. — Я там никогда не была...

— Там может быть прохладно, — кивнул Гектор, не отпуская ее руку. Но зато опустил глаза и уставился в вырез платья, краем глаза замечая, что Финли начал дергаться. — Если станет холодно, скажи, я отдам тебе свой пиджак.

— Л-ладно, — выдохнула Кэти. Она тоже заметила взгляд Дайда и непроизвольно подняла свободную ладонь к вырезу, словно желая подтянуть его повыше. — Скажу, конечно...

— Может, мне все-таки пойти с вами? — громко вмешался Роджер, и Гектор усмехнулся, уловив в тоне своего зама нотки ревности.

— О нет, — ответил Дайд, вновь поднес ладонь Кэт к губам и поцеловал пальцы, глядя девушке в глаза. — Мы сами справимся. Пойдем, детка.

И Гектор повел Кэт к выходу, все же не удержавшись от широкой улыбки, когда Финли за их спинами возмущенно засопел.

По дороге в зал для переносов Кэт молчала, но Дайд чувствовал: она хочет что-то спросить, поэтому негромко сказал:

— Думаю, Роджеру будет полезно немного поревновать. — И почти сразу, чтобы не смущать девушку слишком сильно, продолжил: — Ты сама делала прическу или кто-то помогал?

Она чуть порозовела, но улыбнулась, выпрямившись и поглядев на Гектора.

— Я соседку попросила помочь, она парикмахер, и у нее сегодня выходной. А... думаете, он будет... ревновать?

— Еще как, — фыркнул Дайд, подмигнув Кэт, и она хихикнула. — А теперь к делу, Кэти. Мы с тобой сейчас перенесемся на Дворцовую площадь, а оттуда на заказанном магмобиле доедем до Императорского театра. Твоя задача в театре — смотреть и слушать, не отходить от меня и выполнять все указания.

Гектор достал из кармана пиджака два иллюзорных амулета, один передал Кэт, а второй надел сам и спрятал под рубашку. Теперь он выглядел темноволосым и кареглазым мужчиной с легкой щетиной и широкими скулами, а его секретарь стала блондинкой с носом-кнопочкой.

— Придумай мне имя.

— Что?.. — удивленно выдохнула Кэт, глядя на Дайда широко раскрытыми глазами ярко-голубого цвета.

В этом образе она выглядела гораздо глупее, чем была на самом деле.

— Имя, — повторил дознаватель. — Ты не можешь называть меня Гектором, это привлечет лишнее внимание. Придумай имя, которое будет для тебя комфортным.

— Ясно, ладно. Тогда... Джон?

— Хорошо. И на «ты», пожалуйста. Но главное — постарайся не дергаться, если я вдруг решу тебя приобнять или поцеловать руку.

Кэт несколько секунд молчала, а когда заговорила, Гектор от удивления чуть не споткнулся.

— Да мне и стараться не нужно. Вы мне приятны.

В конце фразы она запнулась и опустила голову, чуть сторбившись, словно ожидала услышать в ответ что-то ужасное. Дайд и раньше замечал, что Кэт не уверена в себе и своей привлекательности, и предполагал, что это может быть связано с какой-то историей из прошлого.

— Это замечательно, детка, — произнес он, касаясь ладонью подбородка спутницы и заставляя ее выпрямиться вновь. — Но нужно повторить все то же самое, обратившись на «ты». Давай.

Кэт смущенно засмеялась, настолько мило покраснев, что Гектор тут же вспомнил об оставленном в приемной Роджере и безумно пожалел, что его нет рядом.

— Ты мне приятен, — повторила Кэт, заливаясь краской до самой макушки.

В театр они попали за полчаса до начала спектакля. Гектор был доволен — как раз есть время, чтобы оглядеться. Хотя оглядываться здесь, в парадной зоне, особого смысла не было — понятно, что Виго убили не тут, да и вынести тело через вход для зрителей нереально. Только через черный ход и не пользуясь пространственным лифтом, перенести мертвого человека тоже невозможно, формула просто не сработает.

Но Гектор все равно на всякий случай осматривался. Большой зал, куда вошли они с Кэт, можно было условно поделить на две зоны — слева находился гардероб, в котором сейчас почти не имелось вещей, все же поздняя весна. Справа — диваны, туалеты и буфет. Все стены были завешаны зеркалами, отчего казалось, что помещение гораздо шире и огромнее.

Наверх, на второй этаж, где был вход в зрительный зал, вели две лестницы, расходящиеся в разные стороны, как лепестки цветка. Витые поручни из серебристого металла — словно переплетенные ветви деревьев; ярко-алый ковер с орнаментом, напоминающим летящие листья; и повсюду — немагические светильники в форме подсвечников, усыпанные цветами и бабочками. Кэт то и дело охала, глядя по сторонам, но сильнее всего ее впечатлила люстра — хрустальная, огромная и сияющая, как солнце.

— А здесь роскошно, — выдохнула девушка, глядя вверх, и чуть не полетела носом вперед.

Гектор подхватил ее под руку и ответил:

— Неплохо, Кэти. Но независимо от того, насколько здесь роскошно, не надо размазывать себя по полу.

— Ладно, я постараюсь, — засмеялась она.

По коридорам второго этажа уже сновали зрители, глаза на обстановку и портреты актеров и режиссеров театра — и нынешних, и почивших, — и Гектор с Кэт присоединились к остальным, шагая под руку вдоль стен. Девушка просто шла вперед, но Дайд вел ее к конкретному месту — к входу в служебные помещения. Разумеется, вход был не один — на втором этаже таких дверей на схеме Гектор насчитал целых три. Оттуда можно было попасть и в осветительскую, и на театральную кухню, и даже в примерные.

— Детка, — сказал дознаватель негромко, когда они с Кэт оказались рядом с нужной дверью, — я сейчас ненадолго тебя покину. Будь здесь, рассматривай портреты на стенах, жди меня и не волнуйся.

— Куда вы?.. — Она вцепилась в локоть Гектора. — Зачем?..

Дайд наклонился и произнес почти ей в губы — со стороны это выглядело простым любовным воркованием:

— Я хочу посмотреть подсобные помещения. Если я приду сюда в своем настоящем облике, то работники театра все за пять минут причешут и возможный компромат уберут. Лучше сейчас.

— Думаете, там открыто? — справедливо засомневалась Кэт.

Гектор усмехнулся и наклонился ниже, к уху девушки, краем глаза замечая, как случайные прохожие отворачиваются, заметив их полубоьятия.

— Конечно, закрыто. Допуск по браслету связи. Но у меня он есть. — Это было не совсем правдой — родовая магия императора в браслете Гектора давала ему возможность открыть любую дверь без всякого допуска. — Не волнуйся, детка. Но если что-то случится — немедленно сигнализируй, хорошо?

— Да, разумеется...

Дайд выпрямился и, посмотрев в глаза бледной от переживаний Кэт, улыбнулся, отпустил спутницу и быстрым шагом пошел к служебному входу. Коснулся браслетом панели на стене, замок щелкнул — и Гектор, распахнув дверь, шагнул внутрь.

Здесь, в отличие от коридора, по которому гуляли зрители, было не слишком-то светло и совершенно непарадно — обычная служебная лестница. Неяркие светильники, никаких ковров, обычные деревянные перила и каменные ступени, ведущие вниз и вверх. Сам же коридор расходился вправо и влево, и Дайд помнил, что справа — вход в зрительный зал, осветительская, кладовая; а слева — гримерные актеров, прачечная и грузовые лифты.

Охранный амулет Гектора, вживленный под кожу за ухом, был в том числе и ментальным — на недолгое время он мог отвлекать окружающих, отводить их взгляды от Дайда. Дознаватель активировал эту возможность еще до того, как войти сюда, и правильно сделал — народу тут, как он и предполагал, оказалось навалом.

Гектор шагнул к стене, а затем быстро пристроился позади молодого человека, бегущего в сторону гримерных. Туда, где Виго Вамиуса видели в последний раз.

Независимо от того, где убили бывшего начальника охраны дворца, если это было сделано в театре, то как-то тело должны были доставить к реке. Спрятать труп можно было в какой-нибудь сундук — в театре этого добра навалом, хоть всех рабочих умертвляй и по сундукам распахивай, — но спустить такой груз

возможно лишь на грузовом лифте. Даже если Виго убили на первом этаже, служебный вход располагался чуть ниже, и пользоваться лифтом все равно пришлось бы. К сожалению, никто не фиксировал, что именно перевозят вверх и вниз, иначе это слишком замедлило бы работу театра, и Гектор не мог заглянуть в регистрационный журнал и определить, кто из сотрудников в тот вечер перебрасывал тяжелый груз.

У лифтов находились трое рабочих, и в настоящий момент они ругались, вытаскивая из одного лифта — всего их было четыре — какие-то непонятные, но явно нелегкие металлические конструкции.

— Что это за?.. И куда ее... потом... девать? — выдал самый старший из рабочих нечто трехэтажное, заставив Дайда безмолвно хмыкнуть.

Он сам был мастером по ругательным изыскам, но для того, чтобы Гектор начал их применять, его нужно было хорошенько вывести из себя.

— Да... знает! — ответил второй рабочий и смачно сплюнул. — Для сцены, наверно.

— Я тебе ща как дам! — потряс первый кулаком. — Где документы-то? Что, опять...

— Вона, вона документы! — заорал третий, вытаскивая из лифта листы бумаги. — Вот... Тута написано — металлическая ампутация веревочных конструкций.

— Я тебе ща дам ампутацию! — Первый выхватил документы и треснул ими своих подчиненных по макушкам. — Имитация! Ясно все. Выгружаем в первую техническую.

— Я понял, что это! — протянул второй рабочий, потеряв макушку. — Это же для медной гадючки!

«Медной гадючки? — Гектор поднял брови. — Интересно».

— Разговорчики! Подняли, понесли!

Ругаясь, они действительно подняли и понесли «имитацию веревочных конструкций», а Дайд пошел дальше. Добрался до двери, ведущей в гримерные актеров, осторожно заглянул в коридор и едва не присвистнул — народу и там оказалось полно.

«Если хочешь что-то спрятать, положи на самое видное место», — вспомнил Гектор слова своего учителя и наставника, лучшего из дознавателей Риамы. Дайд уже много раз убеждался, что старик был прав.

Если Вамиуса убили здесь, в театре, то все эти люди должны были слышать и видеть. Слышать, как он хрипел, умирая, видеть, как убийцы переносят труп в каком-нибудь сундуке. Но

тем не менее Роджер которую неделю не мог ничего добиться от служащих театра, они оказались глухи и слепы.

«Тот, кто меньше всех суетится, больше всех видит», — вспомнил Дайд еще одну фразу наставника и, кивнув самому себе, пошел обратно к Кэт.

— В... ты в порядке! — выдохнула девушка с таким отчетливым облегчением, словно он заходил не в служебные помещения Императорского театра, а в саму Геенну. — Слава Защитнице!

— Со мной все отлично, детка, — хмыкнул Гектор, перехватывая руку Кэт. — Надеюсь, тебя никто не успел тут обаять и влюбить в себя, пока меня не было рядом?

— Нет, — засмеялась его секретарь, и он ощутил, как ее рука в его ладони расслабляется. — Но уже дали третий звонок. Пойдем в зал?

— Да, пошли.

Вид на сцену из верхней ложи, куда у Гектора и Кэт были куплены билеты, открывался отличный. Ложа располагалась почти в центре зала, и помещалось здесь всего лишь десять зрителей. Кэт опустила на бархатное сиденье алого цвета и сразу схватилась за бинокль, лежавший в небольшом углублении на подлокотнике.

— Что ты там рассматриваешь? — улыбнулся Гектор, сядя рядом и вытягивая длинные ноги. К сожалению, бортик ложи был совсем близко, и сделать это так, как ему хотелось, дознаватель не смог.

— Занавес. Тяжелая ткань и красивая. Такой орнамент интересный... Мама была портнихой, она бы оценила. — Кэт вздохнула, и Гектор, прекрасно знавший, что ее родители погибли много лет назад из-за демонов Геенны, легко погладил девушку по руке.

— Не думай о плохом. Наслаждайся вечером.

— Спасибо, — шепнула Кэт, посмотрев на Дайда с благодарностью, и Гектор невольно вспомнил, как увидел ее впервые.

Это было... да, пять лет назад. Его секретарь Патрик Мэйн, проработавший в комитете без малого семьдесят лет, неожиданно скончался, и Гектору срочно нужно было искать замену. Кошмар длился два месяца. Никто из подобранных отделом кадров секретарей (а Дайд менял их трижды) в подметки не годился почившему Патрику. Они все путали, ничего не могли найти, но главное — до дрожи в коленках боялись самого Гекто-

ра. Хотя это было неудивительно: злясь на ошибки, главный дознаватель орал особенно часто.

В то утро он уволил очередного претендента и в раздражении отправился в находящийся на том же этаже отдел кадров. Распахнул дверь, намереваясь высказать все накопившееся, и застыл на пороге.

Дети! Что здесь делают дети?!

— Это что такое?! — взревел он, и присутствующие подпрыгнули от неожиданности. В том числе и Саманта Потс, старший сотрудник отдела.

— Айл Дайд! — Она схватилась за сердце. — Как вы меня напугали! Что вы так кричите? Это всего лишь ежегодные практиканты из Академии прикладных наук, с факультета делопроизводства. Лучшие студенты со второго по пятый курс, всего восемь человек. Вы же сами подписывали приказ, что согласны на проведение практики...

— Да, точно, — кивнул Гектор, рассматривая студентов. Теперь он разглядел, что детьми они не были — лет по семнадцать — двадцать всем. Но лица детские и испуганные. — И куда ты их распахнешь?

— Секретарям в помощники, — пожала плечами Саманта. — Сейчас как раз распределяем...

— В помощники, — фыркнул Дайд. — У меня с сегодняшнего утра вообще нет секретаря. Ну что, ребята, кто-нибудь хочет ко мне? Только не в помощники, а в целые секретари.

— Айл Дайд... — начала кадровичка, но ее перебил восторженный девичий голосок:

— Я хочу!

Гектор, прищурившись, взглянул на девчонку. Мелкая, тощая, невзрачная, но в серых глазах — океан воодушевления, и выражение лица неглупое.

— Тебе сколько лет?

— Семнадцать. Второй курс окончила.

— И что ты умеешь?

— Все! — заявила девица, решительно мотнув головой. — А что не умею — научусь!

— Ладно, давай попробуем. — Дайд, за последний месяц доведенный до отчаяния тупостью секретарей, махнул рукой. — Иди за мной. Саманта, оформишь, я подпишу.

Под полнейшее молчание они вышли в коридор, и Гектор сразу направился к своему кабинету. Оглянулся на девчонку —

она, пытаясь приноровиться к его широкому шагу, почти бежала следом.

— Тебя как зовут?

— Кэтрин Эйс. Кэт, — ответила она запыхавшимся голосом, и дознаватель замедлился, пожалев ребенка. — Я... я буду очень стараться, айл Дайд!

И ведь не соврала.

— Начинается, начинается! — запищала Кэт рядом и возбужденно подпрыгнула в кресле, прервав воспоминания Гектора.

Спектакль действительно начинался — постепенно гас свет, стихали голоса зрителей, и с тихим шелестом в полной темноте раздвинулся занавес.

На пустой сцене стояла актриса в белом полупрозрачном платье и нервно заламывала руки. По плечам ее струились темно-рыжие волосы — того самого оттенка, который обычно называют медным.

— Какая красавица, — выдохнула Кэт, и Гектор, усмехнувшись, тоже взял бинокль.

Он уже понял, что на сцене стоит прима Императорского театра Элен Льер, и собирался рассмотреть ее получше. Насколько он помнил, Элен было двадцать восемь лет, замужем она никогда не была, но любовников, по слухам, меняла постоянно. Одним из таких любовников, опять же по слухам, был Арвен Асириус, подозреваемый по делу заговора против императора и пару недель назад заключенный в тюрьму комитета.

Выглядела Элен шикарно. Особенно шикарной с точки зрения Гектора была ее грудь, почти вываливающаяся из глубокого декольте и взволнованно вздымавшаяся, как того требовала роль. Будь он лет на двадцать моложе, наверняка не смог бы взгляда оторвать от этой роскоши, но увы — Дайд перевидал столько голых женщин, что теперь его было сложно чем-то впечатлить. Поэтому он спокойно приподнял бинокль и взгляделся в лицо актрисы. Она как раз открыла рот — пухлый и ярко очерченный — и запела. Голос у нее оказался нежным и очень приятным, но до Карлы ей все равно было далеко.

Глаза у Элен были карие, подведенные, и ресницы не совсем натуральные, приклеенные, чтобы с задних рядов было видно. Однако ее это ничуть не портило, не превращало в вульгарную женщину и не добавляло возраста.

Кэтрин Эйс

Гектор отложил бинокль, посмотрел на Кэт, которая восторженно слушала песню о несчастной первой любви, наклонился и шепнул девушке на ухо:

— Ты гораздо красивее, Кэти.

Она вздрогнула, а потом замерла, и Дайд не сомневался, что она еще и покраснела.

— Неправда, — шепнула Кэт немного обиженно.

— Правда, — усмехнулся Гектор, но больше ничего не сказал — выпрямился и уставился на сцену под возмущенное сопение спутницы.

Много лет назад главную роль в этом спектакле играла его сестра Карла, поэтому Дайд прекрасно помнил содержание пьесы. Молодую девушку из-за семейных долгов хотят выдать за старика, но она, влюбленная в другого, сопротивляется и пытается сделать так, чтобы свадьба не состоялась. В отчаянии она бросается к возлюбленному, но узнает, что у него тоже были долги, которые закрыл пожилой, но богатый жених в обмен на отказ от претензий на будущую супругу. Удрученная этим предательством, героиня соглашается на свадьбу, но в разгар торжества все же не выдерживает и выпивает яд.

Весь этот романтический пафос Гектору не был близок, но актеры играли хорошо, поэтому он спокойно досидел сначала до антракта, а затем и до конца спектакля.

А вот Кэт очень понравилось. Она тихо плакала оба действия, и в перерыве Дайд, поглядев на ее красные глаза, улыбнулся и покачал головой.

— Хорошо, что косметика у тебя слезами не смывается.

— Да, — вздохнула Кэт. — Это очень кстати.

Во втором действии Гектор заметил, что девушка стала ежиться и поводить плечами, и отдал ей пиджак, в котором она тут же утонула, как мышка в медвежьей шкуре. Пыталась отказаться, но он шикнул на нее, коснувшись обнаженного плеча и убедившись, что кожа у Кэт холодная, словно снег.

— В следующий раз надень платье с закрытыми плечами, — проворчал он тихо и чуть не засмеялся, увидев вытаращенные в изумлении глаза.

Правда, что это значит, Кэт спросила не сразу, а только когда спектакль закончился и она хорошенько вытерла мокрое от слез лицо.

— Это значит, что в ближайшее время я опять приглашу тебя сюда, — пояснил Гектор спокойно. — Конечно, ты можешь отказаться...

— Да в... ты что! — перебила его Кэт. — Ни за что в жизни!

Он не стал уточнять, что следующий визит в театр будет отличаться от сегодняшнего, решив прояснить все завтра в комитете. Гектор сомневался, что Кэт с ее стеснительностью согласится на его предложение.

Покинув театр, они сели в заказанный магмобиль. Сначала Дайд проводил девушку до ее квартиры, а потом вернулся к себе. Заказал из ресторана поздний ужин, поел и, выкурив сигару, лег спать.

Тайре снился белый пес. Он снился ей постоянно — с тех пор, как в восемь лет начал проявляться шаманский дар. Она спрашивала у отца, что значит этот сон, но он так и не смог понять, и даже гадать не получалось — все отказывалось отвечать.

Сама Тайра верила, что этот пес — человек, которого она когда-нибудь встретит. Но с тех пор, как он впервые появился в ее сне, прошло уже пятнадцать лет, однако никого похожего она так и не встретила.

Сны были разными. В одних они гуляли по лесу, в других — купались в реке, в третьих — что-нибудь ели, и Тайра кормила своего пса с руки. Она так и называла его — мой пес, опасаясь давать имя. Ей казалось, что это будет неправильно и, если она даст ему имя, он больше не придет.

В тот день, когда Тайра потеряла зрение, она много и отчаянно плакала, а уснув, оказалась в полнейшей черноте. Абсолютный ужас охватил все ее существо, и единственное, о чем она могла думать: неужели больше никогда?.. Неужели вокруг всегда будет одна лишь темнота?

Сквозь собственные всхлипы она слышала рычание, разлепила мокрые от слез ресницы и охнула, увидев прямо перед собой, по-прежнему в полнейшей черноте, своего белого пса. Протянула руку — он ткнулся лбом ей в ладонь и глухо заворчал.

— Я вижу тебя, — прошептала Тайра. — Но... как же? Я ведь теперь слепая.

Пес рыкнул, мотнул головой и схватил девочку зубами за юбку, потянув куда-то в сторону. Удостоверившись, что она

идет за ним, отпустил ткань и гордо зашагал дальше. Вперед, в темноту.

С каждым его шагом мир вокруг светлел. Тайра видела, что идет не по черноте — под ногами у нее трава, а сверху — небо, полное звезд. И слева, и справа — деревья, а прямо перед ними — светящаяся гладь реки с ярко-белой лунной дорожкой.

Тайра подошла совсем близко, села на корточки и коснулась ладонью прохладной воды. Она видела, как ее пальцы погрузились в воду, вода дрогнула, и по ней пошли круги.

— Спасибо, — сказала Тайра тихо и улыбнулась, когда пес лизнул ее щеку. — Ты самый лучший.

Он фыркнул, как ей показалось, довольно, и плюхнулся рядом. Тайра обняла его, прижалась и, закрыв глаза на мгновение, глубоко вздохнула, принюхиваясь.

Собаки — настоящие собаки — пахнут иначе. Ее пес пах человеком. Хорошим табаком, мятой и совсем немного — молоком.

За прошедшие годы она наизусть выучила этот запах.

На этот раз они вместе плавали в озере, и, когда Тайра проснулась, она улыбалась еще несколько мгновений, вспоминая свой сон. Яркое и жаркое солнце, ощущение гладкой и теплой воды на коже и жесткой шерсти пса под ладонью, шелест ветра в кронах окружающих озеро деревьев... Сон был чудесен, как и всегда. И подарил Тайре счастье и покой.

Она перевернулась на другой бок и вздохнула. Еще пару часов можно поспать, Тайра чувствовала это. Она всегда понимала, сколько времени, и без всяких часов. Эта способность пробудилась в ней после потери зрения.

А потом нужно будет идти в поселок по делам. Хорошо, что отец освободил ее от обязанностей ухаживать за их гостем, сказал, что все возьмет на себя. Правда, и не рассердился на его действия, даже наоборот — попросил Тайру не горячиться и не судить слишком строго «раненого мальчика». Это было странно — обычно Моргану очень не нравилось, когда кто-то пытался трогать его дочь. А тут...

Тайра нахмурилась и сжала кулаки. Она еще не успела сказать отцу, что вспомнила, кем был тот мужчина с жуткими черными глазами из предсказания об их госте. Конечно, она никогда его не видела, но много раз слышала о нем. Все слышали об императоре.